

ПРОИСХОЖДЕНИЕ КНЯЗЕЙ КРОШИНСКИХ

Род князей Крошинских, существовавший в Великом княжестве Литовском на протяжении XV–XVII вв., принадлежит к числу княжеских родов, точное происхождение которых остается неизвестным. Впрочем, легендарная традиция о происхождении Крошинских все же существовала, однако возникла она, похоже, очень поздно, только в середине XVII в. А именно, в гербовнике В.-А. Виюк Кояловича, составленном в 1650-х гг., их предком назван князь «Wikund» (Вигунт), сын Кейстута, князя Жмудского. Его сын Григорий («Hrehory Wikundowicz») будто бы «построил место и замок на Северю, откуда прозвание князей Крошинских утвердилось» [1, с. 145]. Источником этого сообщения Кояловича был панегирик Л. Коллосовича, изданный в Вильне в 1652 г. по случаю бракосочетания князя К.-Г. Крошинского [2] (по данным Ю. Вольфа, который пользовался наиболее полной, неизданной редакцией гербовника Кояловича [3, s. 186, X]). Эта же версия, безо всяких изменений, была повторена и в гербовнике К. Несецкого 1738 г. [4, с. 711–712]. На самом же деле Вигунт-Александр, князь Керновский († 1392), был сыном не Кейстута, а Ольгерда Гедиминовича, и никакого потомства у него не известно [напр.: 3, s. 161, 339, 552].

Ю. Вольф, хотя и справедливо отметил, что Вигунт был «мнимым» сыном Кейстута, тем не менее, литовское происхождение Крошинских вполне допускал. Их родовым гнездом исследователь предположительно считал Крошин в Новогрудском повете, потерянный ими, возможно, при великом князе Сигизмунде Кейстutowиче в 1430-е годы. Поскольку в Супрасльском помяннике, в статье «Род князя Константина Крошинского» (Федоровича, упоминается в 1482–1513 гг.), первыми записаны князь Роман, князь Иван, князь Федор, князь Константин и т. д. [5, с. 457], Вольф считает Романа отцом Ивана и дедом Федора. Ивана же Романовича Крошинского предположительно отождествляет с одноименным князем, членом рады Свидригайло Ольгердовича, который упоминается в 1446–1450 гг. [3, s. 186–187]. От себя добавим, что точно такой же порядок имен первых князей Крошинских, что и в Супрасльском помяннике, содержится и в древнейшем помяннике Киево-Печерского монастыря, конца XV – начала XVI века [6, с. 70].

В наше время Л. Войтович также считает Крошинское «княжество» частью Новогрудского. При этом исследователь несколько «скорректи-

ровал» версию Коллосовича/Кояловича, признавая предком Крошинских не Вигунта, а Войдата, реального сына Кейстута, князя Новогрудского, сын которого Иван, вероятно, и стал первым князем Крошинским [7, с. 37]. В реальности же никаких достоверных сведений о потомках Войдата мы не имеем (весьма условно, его сыном можно считать только князя Юрия Новогрудского, племянника Витовта, упомянутого в 1384 г.).

Вообще же следует отметить, что сыновья и Вигунта Ольгердовича, и Войдата Кейстutowича, если бы таковые действительно существовали, приходились бы родными племянниками либо королю Владиславу-Ягайло, либо великому князю Витовту, и как таковые, скорее всего, неоднократно упоминались бы в источниках. Вполне очевидно, что утверждение Коллосовича/Кояловича о происхождении Крошинских никаких реальных оснований под собой не имеет; вряд ли подлежит сомнению, что это – генеалогический вымысел, созданный спустя два с лишним столетия после возникновения самого рода, с тщеславной целью представить его ветвью некогда правящей династии Гедиминовичей.

Наконец, еще более фантастическую версию происхождения Крошинских предложил Ян Тенговский. По его мнению, раз предком этого рода был князь Роман, то «обратим в связи с этим внимание на личность князя Романа Михайловича, который был наместником Витовта в Смоленске до 1401 года (...) Роман тот мог быть сыном Михаила Андреевича, погибшего под Рязанью, что, если бы его отождествить с предком Крошинских, позволило бы тех князей связать с Гедиминовичами». Речь идет о Михаиле, сыне Андрея Ольгердовича, князя Полоцкого, погибшего во время похода на Рязань в 1385 году [8, s. 72; 9]! Но такое предположение, основанное, по сути, лишь на совпадении имен, причем весьма распространенных, мы считаем неубедительным. Вряд ли могут быть сомнения в том, что Роман Михайлович, князь Брянский и великий князь Черниговский, был представителем местной древней династии Ольговичей, ветви Рюриковичей [10, с. 4].

В документальных источниках Крошинские впервые упоминаются в 1440-х гг., хотя без княжеского титула и даже имени [11, р. 46, 47]; конкретно же князь Константин Крошинский – только начиная с 1482 г. [12, р. 114]. До московских захватов 1480-х гг. им принадлежали волости Тешинов, Сукромна, Олховец, Отъезд, Залоконье, Волста, Клыпино, Нездилово, Чарпа и Головичи (согласно списку литовских послов, поданному в 1494 г.) [13, с. 118–119]. Те из них, которые возможно лока-

лизировать, «занимали пространство на восток от реки Гжать (приток Вазузы) по обеим сторонам Яузы (правый приток Гжати)». Это была территория на востоке Смоленской земли, скорее всего – когда-то входившая в состав Вяземского княжества, граничащая с Можайским уделом Московского государства [14, с. 173–178 и особенно карта 10].

Исходя из местоположения владений Крошинских, проще всего было бы допустить, что они являлись потомками князей Смоленских, а именно, младшей ветвью Вяземских. Однако мы не можем с этим согласиться по двум причинам. Во-первых, в 1492 г., жалуюсь на захват пяти своих волостей москвичами, Крошинские подчеркивали, что это их «отчина и дѣдина отъ великого князя Витовта, дѣди и отци ихъ дръжали, и они породилися на той своей отчинѣ» [13, с. 74]. Следовательно, смоленские владения Крошинские получили, скорее всего, в качестве слуг Витовта, т. е. уже после присоединения к ВКЛ Смоленской земли, включая Вяземское княжество, в 1404 году. Во-вторых, этот же вывод косвенно подтверждает само их родовое прозвание. А именно, среди смоленских волостей Крошинских, подробно перечисленных в посольской документации, мы не встречаем ни одной, от которой могла бы образоваться их фамилия. Следовательно, первоначальное родовое гнездо Крошинских нужно искать в другом месте. Напоминаем, Ю. Вольф предполагал, что таковым мог быть Крошин в Новоградском повете – совр. поселок Барановичского района Брестской области Беларуси. Однако мы склоняемся к мысли, что волость, давшая прозвание роду Крошинских, находилась в пределах древней Черниговской земли.

В 1455 г. князь Федор Львович Воротынский получил от короля Казимира подтверждение на ряд волостей, отданных ему несколько ранее, среди которых названы «Крайшина по обе стороне Высы реки, Кцинъ, Озерескъ, Перемышль, Логинескъ» [11, р. 39]. Следовательно, раньше эти волости к Воротынскому уделу не принадлежали, хотя и непосредственно к нему примыкали. Очевидно, в прошлом все они входили в состав соседнего, Карачево-Козельского княжества, а их передача князю Воротынскому стояла в связи с назначением его наместником Козельским, незадолго до февраля 1448 г. (после захвата города у Москвы) [15, р. 248]. По крайней мере, о соседнем Перемышле на реке Оке нам точно известно, что еще в начале XV века он имел собственных князей, которые, согласно позднейшим родословным росписям, происходили из Карачево-Козельской линии черниговских Ольговичей [16, с. 499, 501]. А именно, в 1408 году из ВКЛ в Москву выехал князь Семен Перемышльский [17, с. 237].

По-видимому, в состав Карачево-Козельского княжества входила и волость Крайшина, располагавшаяся в бассейне рек Росвы (приток нижней Угры) и Висы (приток Оки, в ее нижнем течении стоял Ворытынск). «Самое же Крайшино находилось где ныне село Спаское Крайшино тож, оно лежит между реками Угрою и Окою, при котором признаки находятся старинного жилья» [18, с. 81–82; 14, с. 190–191 и карта 11]. Полагаем, что именно от этой волости и получил свое название род князей Крошинских.

Главным аргументом в пользу нашей версии является запись в знаменитом Любецком синодике князя Симеона Крошинского [19, с. 29, 166]. Аналогичная запись содержится также в более древнем и полном помяннике Введенской церкви Киево-Печерской лавры, где кн. Симеон назван иноком; здесь он записан «в окружении» князей, упоминающихся в первой трети XV в., а сразу после него поминается князь Роман [20, с. 19], вполне вероятно – тот же самый, который в Супрасльском и древнейшем Киево-Печерском помянниках фигурирует как первый в роду князей Крошинских. Ведь хорошо известно, что в указанных памятниках поминаются, в подавляющем большинстве, князья, владения которых находились в пределах древней Черниговской земли. Если наша версия верна, то Крошинские могли быть только одной из ветвей Карачево-Козельской линии черниговских Ольговичей. Конкретное же их происхождение, понятно, установить практически невозможно.

Еще одним, косвенным аргументом в пользу версии о происхождении Крошинских от князей Карачево-Козельских, являются данные геральдики. А именно, их герб, приведенный у В.-А. Кояловича (см. рисунок слева), имеет определенное сходство с печатным знаком князя Ивана Ивановича Пузины Глушонка 1499 г. (см. рисунок справа), особенно в их нижней части, основании. Князь Иван же был родоначальником князей Пузин, которые, согласно их родовой традиции, являлись потомками князей Козельских [21, с. 23–24].

Можно предположить, что Крошинские, Перемышльские и некоторые другие удельные князья Карачево-Козельского княжества перешли на службу к великому князю литовскому Витовту после того, как между 1390 и 1402 гг. Московское государство завладело Козельском, «в знак протеста» против этой акции. Затем же, вследствие каких-то причин, Крошинские потеряли свои родовые владения, но взамен получили несколько пограничных волостей на востоке Смоленской земли, окончательно присоединенной к ВКЛ в 1404 г. После того же, как в 1447/48 г. Козельск перешел от Москвы к Литве, Крайшина, вместе с соседним Перемышлем и некоторыми другими волостями, была отдана во владение наместнику козельскому, князю Федору Львовичу Воротынскому.

Список литературы

1. Wijuk Kojałowicz, W. Herbarz rycerstwa W. X. Litewskiego tak zwany Compendium / W. Wijuk Kojałowicz. – Krakow: w drukarni «Czasu» Fr. Kluczyckiego i Spolki, 1897. – 527 s.
2. Kollosowicz, L. Gratulatio nuptiarum inter Perillustr. ac Magnif. Dominum D. Carolum Georgium a Kroszyno Kroszyńscium et Perillustr. ac Magn. Domini D. Elizabetham Perillustr. ac Magn. Domini D. Vilhelmi a Tizenhauzen Capitanei Kupiscensis Filiam. D. 21 Januarii Anno 1652. Vilnae celebratarum per Lavrentivm Kollosowicz exhibita / L. Kollosowicz. – Wilno: w drukarni Oycow Bazyl. S. Troycy, 1652. – Kart 17.
3. Wolff, J. Kniaziowie litewsko-ruscy od konca czternastego wieku / J. Wolff. – Warszawa: drukiem J. Filipowicza, 1895. – 698 s.
4. Niesiecki, K. Korona Polska... / K. Niesiecki. – Т. II. – Lwow: w drukarni Collegium Lwowskiego Societatis Jesu, 1738. – 761 s.
5. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. – Т. IX. – Вильна: печатня О. Блюковича, 1870. – 486 с.
6. Древнейший помянник Киево-Печерской лавры (конца XV и начала XVI столетия) / Сообщил С. Т. Голубев // Чтения в Историческом обществе Нестора летописца. – Кн. 6. – Киев: Типография Императорского Университета св. Владимира, 1892. – Приложение. – С. XIV, 88 с.
7. Войтович, Л. Князівські династії Східної Європи (кінець IX – початок XVI ст.). Склад, суспільна і політична роль. Історико-генеалогічне дослідження / Л. Войтович. – Львів: Інститут українознавства ім. Івана Крип'якевича, 2000. – 649 с.
8. Tęgowski, J. Pierwsze pokolenia Gedyminowiczów / J. Tęgowski. – Poznań-Wrocław: Wydawnictwo Hystoryczne, 1999. – 320 s.
9. Tęgowski, J. Kilka uwag o genealogii kniazów Kroszyńskich do końca XV wieku / J. Tęgowski // Genealogia. Studia i materiały historyczne. – Т. XV. – Poznań-Wrocław, 2003. – S. 35–43.
10. Келембет, С. Роман Михайлович II – останній самостійний володар Чернігова / С. Келембет // Сіверянський літопис. – 2016. – № 2. – С. 3–16.

11. Lietuvos Metrika. – Knyga Nr 3 (1440–1498). – Vilnius, 1998. – 164 p.
12. Lietuvos Metrika. – Knyga Nr 4 (1479–1491). – Vilnius, 2004. – 288 p.
13. Сборник Императорского Русского исторического общества. – Т. 35: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. – Т. 1. – СПб.: Типография Ф. Елконского и К, 1882. – XXII, 870 с., 88 стб.
14. Темушев, В. Н. Первая московско-литовская пограничная война 1486–1494 / В. Н. Темушев. – Москва: Квадрига, 2013. – 240 с.
15. Lietuvos Metrika. – Knyga Nr 5(1427–1506). – Vilnius: Mokslas, 1993. – 404 p.
16. Власьев, Г. А. Потомство Рюрика. Материалы для составления родословий / Г. А. Власьев. – Т. I. Князья Черниговские. – Ч. I. – СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1906. – 667 + 8 с.
17. Полное собрание русских летописей. – Т. XXV. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 468 с.
18. Зельницкая, Е. Г. Исследование древних исторических мест и урочищ, которые должны находиться в пределах нынешней Калужской губернии / Е. Г. Зельницкая // Отечественные записки. – Ч. 27. – СПб., 1826. – С. 69–90.
19. Зотов, Р. В. О Черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время / Р. В. Зотов. – СПб.: Типография братьев Пантелеевых, 1892. – 327+47+II с.
20. Поменник Введенської церкви в Ближніх печерах Києво-Печерської лаври // Лаврський альманах. – Спецвипуск 7. – Київ, 2007.
21. Однороженко, О. Герб князів Полубенських / О. Однороженко // Сіверянський літопис. – 2009. – № 2–3. – С. 22–27.